

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Никулин А.М.

**Развитие экологических практик,
инноваций и инициатив в домохозяйствах и
сообществах сельской России**

Москва 2020

Аннотация. Проведенное научное исследование имеет преимущественно эмпирический характер, поэтому его объект включает в себя: на микро-уровне – сельские домохозяйства, их социально-экономические и социокультурные практики традиционного и инновационного характера; на макро-уровне – несколько регионов-кейсов, различающихся доминантными моделями сельской формальной и неформальной экономики, характерными для них производственно-экономическими практиками и хозяйственно-экологическими проблемами. Сочетались количественные (вторичный анализ социологических и статистических данных) и качественные методы социологического поиска (тактики кейс-стади и «история жизни», методы включенного наблюдения и полужформализованного экспертного интервью), что позволило подготовить аналитический обзор традиционных и инновационных социально-экономических и экологических практик сельских домохозяйств с учетом региональной специфики экологической ситуации и, тем самым, уточнить приоритеты региональной и государственной политики с тем, чтобы они поддерживали малые форматы самоорганизации сельскохозяйственного производства и сохранения сельских территорий.

Annotation. The conducted scientific research is mainly empirical, therefore it is focused on both micro-level – rural households, their traditional and innovative social-economic and social-cultural practices – and macro-level – several cases-regions that differ in the dominant models of rural formal and informal economies, their production-economic practices, and economic-environmental challenges. The study combined quantitative (secondary analysis of sociological and statistical data) and qualitative approaches (case study and “life story”, methods of observation and semi-formalized expert interviews), which allowed to provide an analytical review of traditional and innovative social-economic and environmental practices of rural households, taking into account the regional specifics of the environmental situation, and also to specify the priorities of regional and state policies so that they would support small forms of self-organization of agricultural production and development of rural territories.

Никулин А.М. директор научно-исследовательского центра аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2019 год.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 Систематизация концептуальных оснований изучения инновационно-экологиче- ских стратегий хозяйственной и повседневной деятельности сельских домохозяйств	5
2 Результаты эмпирических исследований в ряде регионов-кейсов, различающихся доминантными моделями сельской формальной и неформальной экономики.....	12
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	21
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	25

ВВЕДЕНИЕ

В современной России основное внимание на государственном уровне уделяется, прежде всего, поддержке крупномасштабного аграрно-индустриального производства, в том числе за счет инвестирования в его инновационное развитие, в то время как малый агробизнес крестьянско-фермерских хозяйств, личных подсобных и дачных хозяйств, а также локальные институты сельской социальной инфраструктуры и несельскохозяйственного производства получают гораздо меньше государственной и региональной финансовой и даже научной поддержки, если вообще ею пользуются. В этих условиях большинство сельских домохозяйств, фактически руководствуясь известным литературно-ироническим лозунгом «спасение утопающих – дело рук самих утопающих», проявляют незаурядные инициативу и изобретательность в поиске ресурсов и способов как социально-экономического развития семейных экономик, так и инновационного обустройства окружающих сельских пространств. Этот уникально микроскопический в отдельности (на локально-муниципальном уровне отдельных поселений), но в массе своей многообразно-весомый и поддающийся систематизации и типологизации жизненный опыт, безусловно, интересен с научной точки зрения и, конечно, актуален в контексте повышения эффективности экономических мер и решений региональной и государственной власти, а в случае его систематического исследования и успешного применения полученных результатов на практике может стать микро-фундаментом совершенствования макро-политики сельского развития России.

Рассматриваемая проблематика разрабатывается на протяжении последних десятилетий как в России, так и за рубежом в рамках, прежде всего, социологических и экономических исследований неформальной экономики домохозяйств на фундаментальном и прикладном уровне, а также в рамках аграрной социологии, региональной географии и так называемых «development studies». Как правило, сельско-социологические проекты направлены на выявление тех рутинных действий, а также лежащих в их основе традиционных моделей социально-экономического взаимодействия и мотиваций, которые приводят к появлению новых перспектив для неформальной экономики устойчивого развития сельской местности в России. Речь может идти как о моделях «низового» выживания сельских территорий, так и об анализе на микро- и макро-уровне традиционных и инновационных хозяйственных практик и типов взаимодействия социальных акторов (и стейкхолдеров на селе), ориентированных не только на получение прибыли, но и на достижение целей выживания и благосостояния семейных домохозяйств в широком социальном и экологическом контексте с опорой на социальный капитал и агрономические знания [см., напр.: 1-8].

1 Систематизация концептуальных оснований изучения инновационно-экологических стратегий хозяйственной и повседневной деятельности сельских домохозяйств

В последние годы мир все чаще сотрясают различного рода финансово-экономические кризисы, последствия которых ощущаются во всех областях жизнедеятельности общества и окружающей среде. Самыми уязвимыми в плане экологической безопасности, как ни странно, оказываются сельские регионы, поскольку в этих условиях они теряют не только активы, но и возможности противодействия крупному агробизнесу, стремящемуся компенсировать свои убытки за счет использования более агрессивных технологий. Такая ситуация подталкивает местные сообщества и домохозяйства к поиску разного рода практик и реализации инициатив, основанных на перспективных сберегающих технологиях и инновационных решениях, позволяющих не только сохранить свои активы, но и в какой-то степени способствовать сохранению окружающей среды.

В научной литературе развитие экологических практик и инноваций в современных сельских сообществах и домохозяйствах в основном рассматривается в контексте поиска устойчивых источников средств к существованию таких сообществ с одновременным сохранением их экосистем [9; 10; 11], поскольку целым рядом последних исследований была подтверждена причинно-следственная связь между ростом бедности в сельской местности и деградацией окружающей среды [12; 13; 14]. В частности, исследователи рассматривают сообщества и окружающую среду как социально-экологическую систему, анализ которой позволяет по-новому взглянуть на причинно-следственные связи между бедностью и ухудшением состояния окружающей среды. Исследование в полузасушливом регионе в юго-западной части Мадагаскара [13] – уникальном в силу своих природных особенностей и по биоразнообразию и, вместе с тем, одном из самых бедных регионов мира – когда в течение 2014 года были обследованы 150 мелких фермерских домохозяйств, получающих доход от сельскохозяйственной деятельности, показало, что фермеры вовлечены в своеобразную реверсивную схему, каждая точка возврата в которой приводит к еще большей нищете и снижению производительности сельскохозяйственных угодий, что, в конечном итоге, влечет за собой постепенное истощение экологических активов и безвозвратную потерю уникальных видов флоры и фауны.

Такая ситуация отчасти стала возможной из-за жесткой природоохранной политики, в значительной степени финансируемой международными донорами, продвигающими и спонсирующими в регионе свои амбициозные проекты в области биоразнообразия. Эксперты зачастую преуменьшали социально-экономические проблемы, вызванные воздей-

ствием на местные малагасийские общины результатов реализации таких экологических проектов, а продвижение местных стратегий обеспечения средств к существованию (например, разведение домашнего скота) они предлагали рассматривать как «иррациональные». Исследователи видят решение этой проблемы в обеспечении преобразований, которые могли бы изменить эту порочную схему в направлении более устойчивого развития посредством нового подхода, в котором проблемы бедности и деградации окружающей среды рассматриваются и решаются одновременно. Таким образом, они уходят от прежнего подхода, когда преобладающее внимание было сконцентрировано на принципе «преодоления трудностей», предлагая заменить его выявлением местных источников роста, поскольку ориентировка на такие преобразования позволит сохранить уникальное биоразнообразие региона и в долгосрочной перспективе обеспечит его социально-экономическое процветание.

Значительная часть сельских сообществ в развивающихся странах состоит из бедных домохозяйств, поэтому исследования, направленные на изучение и решение их проблем, традиционно сосредоточивались на причинах их несостоятельности и поиске возможностей уменьшения ее масштабов посредством вывода этих домохозяйств из так называемых «ловушек бедности» [15]. Например, известный экономист и директор Института Земли при Колумбийском университете Дж. Сакс в книге «Конец бедности», опубликованной в 2005 году, утверждает, что если «зарубежная помощь предоставляется в достаточных объемах и в течение довольно долгого времени, то объемы капитала достигают размеров, позволяющих домохозяйствам подняться над уровнем непосредственного выживания. В этот момент ловушка бедности перестает работать... Экономический рост становится самоподдерживающимся благодаря сбережениям домохозяйств и государственным инвестициям, которые финансируются из налогов, выплачиваемых домохозяйствами. В этом смысле зарубежная помощь является не благотворительной подачкой, а реальной инвестицией, которая раз и навсегда разрушает ловушку бедности» [16, с. 284].

Критики доминирования экономического подхода считают, что сельские домохозяйства попадают в «ловушки бедности» прежде всего в результате своей непропорциональной зависимости от природного капитала (леса, пастбища, почва, вода и т.п.), и такая колокация естественным образом порождает тесно взаимосвязанные управляемые человеком экосистемы, которые в лучшем случае находятся в неустойчивом равновесии. Однако нехватка ресурсов и институций часто не позволяет местным жителям создавать механизмы для обеспечения долговременного обслуживания и функционирования таких экосистем. При этом критики экономического подхода настаивают на важности изучения коэволюционной взаимосвязи между «ловушками бедности» и сохранением биоразнообразия,

поскольку стремление максимизировать значение одного из полюсов этой проблемы неминуемо приведет к непредсказуемым последствиям для всей системы. Так, защитники природы обычно не просчитывают последствия от вмешательства в управление экосистемой, что приводит к обратному результату по отношению к декларируемым целям сохранения природы. А, например, максимизация усилий в области экономического развития без учета последствий для окружающей среды, как правило, усугубляет бедность в мелких аграрных сообществах.

Приверженцы коэволюционной модели развития домохозяйств и окружающей среды, как правило, опираются на основные понятия концепции динамических систем. Так, в статье «О сохранении биоразнообразия и ловушках бедности» коллектив авторов [12] рассматривает бедные сельские домохозяйства и биоразнообразие окружающей среды как связанные системы, представляющие собой специфические временные состояния некоторого «фазового пространства, описывающего все возможные состояния динамической системы «домохозяйство-окружающая среда» и разделенного на области. Причем если в своем начальном состоянии система попадает в одну из этих областей, то она остается там и сохраняет в ее пределах свою стабильность и эластичность, при этом краткосрочные возмущения, изменяющие состояние внутри этой области, просто становятся долгосрочными. Однако, когда существует множество таких областей, называемых «бассейнами притяжения», они обязательно разделяются границами, которые называют «сепаратрисами», «порогами» или «петлями». Несколько бассейнов притяжения могут повлиять на появление в системе многочисленных устойчивых состояний, называемые «равновесиями». Авторы считают, что в таких случаях даже небольшие начальные различия между домохозяйствами могут повлиять на их расположение по разные стороны от сепаратрисы или порога, хотя и очень близко друг к другу. В дальнейшем такие кажущиеся безобидными начальные различия между домохозяйствами могут значительно увеличиться, поскольку каждый элемент будет тяготеть к собственному бассейну притяжения и эволюционировать вместе с ним. Но когда элемент системы (домохозяйство) выходит за границы области своих начальных условий, в частности, в результате воздействия на него естественного или искусственного шока, то он размещается в другой области с отличным от прежнего устойчивым состоянием и бассейном притяжения, изменяя при этом свою эволюционную динамику. Таким образом, накопленный системой опыт экзогенных шоков может привести к различным вариантам будущего. Вместе с тем динамика системы определяется не только ее первоначальным распределением по состояниям, но и меняется вместе с изменением ее основных параметров.

В ряде научных работ, посвященных коэволюционным моделям развития домохозяйств и окружающей среды, рассматриваются случаи, когда вмешательства в динамическую систему «домохозяйство-окружающая среда» включают, по крайней мере, одно из двух основных действий, нацеленных на изменение ее долговременного состояния. В одних случаях предпринимаются отдельные усилия по изменению исходного состояния динамической системы (например, путем передачи активов домохозяйствам, реинтродукции видов животных или растений и т.п.), чтобы попытаться переместить ее в более подходящий бассейн притяжения. В других случаях изменяются параметры системы (например, путем обустройства инфраструктуры, официальной регистрации парка и изменения правил использования ресурсов в новом защищенном ареале; путем изменения правил управления или менеджмента, например, защищающих ареал от конкретных видов использования; путем внедрения новых технологий или создания рынков) в надежде, что это изменит ее поведение. Однако большинство таких вмешательств, направленных на выход домохозяйств из ловушек бедности или защиту экосистем, терпят неудачу, поскольку вносят неадекватные или неуместные корректировки в одну или сразу обе области фазового пространства. Это не удивляет авторов подхода, поскольку они считают, что сепаратрисы, разделяющие бассейны притяжения, и параметры, определяющие их местоположение, часто не наблюдаются напрямую и поэтому редко являются предметом непосредственного научного исследования. По их мнению, неадекватное эмпирическое понимание такого рода связанных систем предсказуемо проявляется в проектах и политике, направленных на кратковременные эффекты, но принципиально не влияет на вектор движения человеческих или природных подсистем. Сегодня в первую очередь требуется повысить степень нашего осознания глубоких взаимосвязей между экологическими и социально-экономическими процессами, чтобы лучше понимать основные параметры и способы функционирования тесно связанных и управляемых человеком экосистем. Такое понимание повышает наши возможности по сохранению биоразнообразия и сокращению бедности сельских домохозяйств, что имеет первостепенное значение во всем мире.

Основная сложность коэволюционного подхода к функционированию динамической системы «домохозяйство-окружающая среда» состоит в поиске разумных компромиссов между защитой экосистемы и уменьшением бедности домохозяйств, расположенных на ее территории, поскольку изначально цель каждого элемента этой системы вступает в противоречие с целью другого элемента. Например, важнейшая цель окружающей среды – сохранение биоразнообразия и поддержание текущего равновесия – если эта подсистема находится в стабильном естественном состоянии, или восстановление последнего – если в нем произошли серьезные нарушения. Однако целью большинства сельских домохозяйств

является увеличение своих доходов за счет эксплуатации окружающей среды, т.е., в конечном счете, сокращения ее биоразнообразия. Если же домохозяйство попало в ловушку бедности, то его основной целью будет изменение равновесных стандартов жизни и выход из сложившегося нежелательного стабильного состояния.

Успехам в поиске подобных компромиссов между защитой экосистемы и уменьшением бедности домохозяйств, расположенных на ее территории, посвящена статья [9], авторы которой утверждают, что в настоящее время создание охраняемых территорий, являясь доминирующим подходом к защите биоразнообразия и обеспечению экосистемных услуг, хотя и ограничивает доступ сельских домохозяйств к природным ресурсам, но не всегда усиливает ловушки бедности посредством образования новых бедных хозяйств. Охраняемые районы, создающиеся, как правило, вдали от крупных городов и на неудобных сельскохозяйственных угодьях, могут не только повысить уровень бедности проживающего здесь сельского населения, но и стать необходимым условием, способствующим реализации более оптимистичных сценариев развития этих территорий. Так, для выхода местной экономики из ловушек бедности могут появиться возможности для развития туристического бизнеса, экосистемных услуг или улучшенной инфраструктуры. Примеры реализации таких оптимистичных сценариев можно наблюдать в Коста-Рике и Таиланде, где по средним экономическим показателям бедности местных домохозяйств на охраняемых территориях за последнее время наблюдается тенденция к сокращению.

Для понимания воздействий, оказываемых охраняемыми территориями на уровень бедности домохозяйств, следует совместно рассматривать как экологические, так и социально-экономические последствия таких воздействий и количественно оценивать гетерогенность каждого из них. Для такого рода оценок необходим большой объем научных данных о природе этой гетерогенности или возможных компромиссах между экологическими и социально-экономическими результатами, которые практически весьма ограничены для большинства охраняемых районов развивающихся стран. Поэтому для ретроспективного причинно-следственного анализа социально-экономического и экологического воздействий авторы выбрали охраняемые территории в Таиланде и Коста-Рике, где они смогли получить достаточный объем информации. К тому же эти страны обладают значительным биоразнообразием, большими системами охраняемых территорий и надежными пространственно-точными данными. Используемые авторами модели позволяют информативно оценивать континуум отношений между наблюдаемыми параметрами и их последствиями – они определяют диапазоны независимых переменных, которые связаны с: 1) высокими показателями сохранения экосистемы и сокращения бедности (взаимовыгодный сценарий); 2) низкими показателями сохранения экосистемы и обострения бедности

(сценарий «проигрыш-проигрыш»); или 3) несоответствием показателей, когда один результат является выигрышным, а другой – проигрышным (сценарий «выигрыш-проигрыш»). Такой подход к природоохранному планированию ведет к нацеливанию природоохранных инвестиций в соответствии с наблюдаемыми экологическими и экономическими параметрами. Но для этого специалисты по планированию, заинтересованные как в сохранении экосистемы, так и в сокращении бедности, должны понимать, как последствия воздействий на эти элементы варьируют вместе с наблюдаемыми параметрами.

В отличие от развивающихся стран в развитых странах Северной Америки, Европы и Азии исследователи, занимающиеся изучением экологических практик в сельских сообществах и домохозяйствах, в большей степени сосредоточены на достижении устойчивого развития сельских общин за счет решения проблем, связанных с климатом (в частности, сокращение источников выбросов парниковых газов домохозяйствами), окружающей средой (сохранение биоразнообразия) и экономикой (переход к низко-углеродной энергетике, использование возобновляемых источников энергии, повышение уровня энергоэффективности жилых домов, подсобных построек и т. п.). Поэтому в сельских домохозяйствах развитых стран активно используются эко-инновационные технологии, которые, в свою очередь, можно рассматривать как своеобразный инструмент, позитивно влияющий на отношение сельских жителей к зеленым технологиям и связанным с ними инновациям.

На сегодняшний день во многих странах Европейского Союза успешно разрабатываются и применяются всевозможные стратегии и инициативы по использованию передового инновационного опыта в сельских регионах. Такая политика сосредоточена прежде всего на стимулировании местных инициатив по развитию социально-экономических и экологических практик (практики планирования «снизу-вверх») в сельских сообществах. Например, в Италии Национальная стратегия для отдаленных сельских районов (National Strategy for Inner Areas, NSIA) является комплексной стратегией социально-экономического и экологического развития, и в ней особое внимание уделяется политике на местах по поддержке инноваций. В частности, эта стратегия способствует продвижению местных инициатив в таких ключевых областях развития, как землеустройство и леса; местные продукты питания; возобновляемая энергия; природное и культурное наследие; традиционные ремесла.

Другим примером продвижения и поощрения инициатив по устойчивому развитию сельских регионов в гармонии с окружающей средой, основанных на опыте разных государств ЕС, можно считать Европейскую сеть развития сельских районов (European Network for Rural Development, ENRD), которая сама является хорошим стимулом для создания сетей других уровней. ENRD – сеть, которая служит центром обмена информацией

о практиках реализации инициатив по сельскому развитию и их распространения, поддержки связей между заинтересованными сторонами. ENRD не является членской организацией, поэтому ее работа направлена на привлечение любой заинтересованной в развитии сельских регионов в Европе стороны, в том числе в таких секторах, как продовольственная экономика, биоэкономика, зеленая экономика, экономика с многооборотным использованием продукции, развитие возобновляемых источников энергии, обеспечение устойчивости и защиты окружающей среды.

Следует отметить, что разница в подходах к анализу источников инновационного развития экологических практик и инноваций в домохозяйствах и сообществах развитых и развивающихся стран весьма существенна. В развитых странах такие подходы ориентированы в первую очередь на использование инноваций и smart-технологий, а в развивающихся – на сохранение устойчивости и окружающей среды, а также борьбу с бедностью. Дж. Сакс объясняет такое различие в подходах к инновационному развитию тем, что в «богатых странах существует большой рынок, усиливающий стимулы к инновациям и создающий спрос на новые технологии, которые еще сильнее повышают производительность и увеличивают размеры рынка, тем самым порождая дальнейшие стимулы для инноваций. Этот механизм, по сути, порождает цепную реакцию, которую экономисты называют эндогенным ростом. Инновации увеличивают размеры рынка; увеличение размеров рынка усиливает стимулы к инновациям. Таким образом, между экономическим ростом и инновациями возникает положительная обратная связь» [16, с. 82].

2 Результаты эмпирических исследований в ряде регионов-кейсов, различающихся доминантными моделями сельской формальной и неформальной экономики

В отличие от стандартных производственно-экономических практик домохозяйств (разведения и содержания сельскохозяйственных животных, крупного и мелкого рогатого скота, различных пород и видов птицы, системы занятий на приусадебном участке, состоящих из подготовки посадочного материала, высаживания в грунт, ухода за посевами, прополки, полива, сбора урожая, переработки продукции и заготовки ее для питания в зимний период, а также работ по поддержанию всего хозяйственного комплекса, строений, сельхозинвентаря, средств механизации, транспортных средств в надлежащем состоянии и т.п.) экологические практики выступают большей частью в качестве малозаметных, фоновых, вспомогательных, лишь сопровождающих систему базовых занятий домохозяйств, семейных крестьянских дворов. Для того, чтобы увидеть и оценить степень их размаха, необходимо предпринять ряд исследовательских действий, имеющих преимущественно методический характер. Исходя из этого, методики полевого исследования экологических практик должны предусматривать общее ознакомление с производственно-экономическим потенциалом каждого конкретного домохозяйства как некоей базовой отправной структуры: нужно располагать конкретной информацией о степени мощности каждого, попавшего в выборку конкретного домохозяйства. Однако в последнее время подобного рода подход, довольно исправно работавший пять-десять лет тому назад, начал становиться менее продуктивным, а порой неприменимым, поскольку современные хозяева крестьянских дворов, более или менее активно занимающиеся ведением подсобного домашнего хозяйства, начали систематически закрывать информацию, которая бы позволяла судить о размахе их хозяйственной деятельности. Мотивировка при этом самая житейская: хозяева опасаются, что вслед за внешне безобидными опросными социологическими процедурами могут появиться неотвратимые экономические, налоговые санкции. Самые искренние уверения социологов в сугубо научных целях опроса начинают все чаще вызывать реакцию недоверия, преодолеть которую становится со временем все труднее, а порой невозможно. Разумеется, это связано с той социально-политической атмосферой, которая постепенно возникла в стране к концу 2010-х годов.

Как преодолеть указанные трудности, имея в виду методическое оснащение исследования экологических практик, инноваций и инициатив в домохозяйствах и сообществах сельской России? В ходе пилотажных процедур, где оценивалась степень пригодности опросного инструмента, была выработана следующая стратегия полевого исследования. В

ходе первоначальных контактов с респондентами необходимо внести в их сознание представление, что домохозяйство отобрано случайно. Действительно, выбор, скажем, каждого десятого (по номеру дома) хозяйства по каждой нечетной стороне сельской улицы и каждого пятого (снова по номеру дома) по четной стороне другой улицы – и этот выбор систематически подтверждается негласным соседским контролем – дает основания, чтобы жители поселения убедились именно в исследовательских, а не фискальных, административных, контролирующих и прочих намерениях интервьюеров. Далее целесообразно систематически настаивать на том, что обращение именно к данному домохозяйству диктуется важным обстоятельством: интервьюеры всецело доверяют и заведомо позиционируют респондентов как осведомленных знатоков изучаемой проблематики. В этой связи текст вопросника имеет заглавие «Опрос экспертного сообщества». И экспертный статус респондента раз за разом подтверждается в ходе записи интервью различными знаками внимания, одобрительными и побуждающими репликами-оценками интервьюера. Разумеется, чрезмерно педалировать сигналы собственной доверчивости интервьюер не должен, это может вызвать подозрение в том, что социолог привычно отрабатывает заданный урок. Уважительное внимание и сочувственное размышление – вот самый краткий перечень эмоций, отражающийся в ходе качественной работы на лице интервьюера.

В процессе организационной подготовки полевых экспедиций встал закономерный вопрос о наиболее информативных местах дислокации интересующих нас групп. В результате предварительного изучения социально-географических и хозяйственно-экономических обстоятельств для углубленного изучения были выбраны два ключевых аграрных региона России – Краснодарский край и Белгородская область – по причине их сходных профилей аграрного хозяйствования на черноземных территориях России, но различающихся экологических обстоятельств как крупных (холдинги), так и мелкомасштабных хозяйственных практик (фермеры и держатели личных подсобных хозяйств). Отобранные для полевых экспедиций регионы в определенной степени репрезентируют ту сельскую Россию, которая способна накормить и себя, и ряд регионов, расположенных в восточном направлении. Выбор конкретных поселений внутри регионов основывался, в свою очередь, на экспертном опросе руководителей, специалистов и ученых, работающих в аграрной хозяйственной подсистеме соответствующих субъектов России. Принципы отбора поселений были в целом конгруэнтны таковым при выборе регионов – сходство основных профилей крупного хозяйствования и различие в организации неформальных экономических действий домохозяйств. Начнем изложение результатов полевых исследований в выбранных регионах – исследований, сочетающих тактики кейс-стади, «устной истории», «историй жизни», а также методики включенного наблюдения и полупформали-

зованного интервью, – с аналитического обзора материалов, полученных в южнорусском регионе – на Кубани.

Аналитическое обобщение материалов интервью с представителями хозяйственных структур разного уровня – от частных семейных домохозяйств до крупных аграрных институций – позволило выделить три зоны наиболее острых экологических проблем, характерных именно для современного этапа эволюции сельских миров. К ним относятся состояние (1) водных ресурсов, получаемых как из подземных водных источников, так и из системы поверхностных вод, (2) продуктивной почвы, находящейся как в распоряжении крупных землевладельцев и обрабатываемых современной сельскохозяйственной техникой, так и существующей в виде приусадебных участков, огородов, садов, возделываемых ручным трудом, а также (3) прежде почти незаметная, но резко обострившаяся проблема, связанная с производственными и бытовыми отходами, а проще говоря – с мусором и местами его складирования и утилизации.

По материалам интервью, проведенных в регионах с респондентами разного социального статуса, жизненного кругозора и материального достатка, создается довольно типичная, различающаяся лишь в масштабах и физических объемах картина заметного и порой даже предельного старения инфраструктуры поселенческого водоснабжения и, следовательно, необходимости ее капитального ремонта, реконструкции и чаще всего даже полной перекладки. Однако и представители местных властей, и предприниматели, и представители домохозяйств понимают, что в нынешних финансовых и технологических условиях возможности для реконструкции водопроводных сетей и обеспечивающего оборудования (новых глубоких артезианских скважин, мощных насосных систем, эффективной системы фильтров) отсутствуют. Кроме того, воспроизводить такие производственные объемы в их прежней технологической конфигурации нерационально и бесперспективно, – это представляет собой не что иное как технологический анахронизм.

Во всех обследованных поселениях (в станицах Северной Кубани, местностях Правобережного Поволжья, отдельных районах Белгородчины) наблюдается резкое снижение традиционного, насчитывающего десятки лет, промыслового использования водных ресурсов. И прежде всего – традиционных рыбных промыслов. В завершающей фазе колхозно-совхозных производственно-экономических институций имели место параллельные, дополняющие колхоз, специализированные и сравнительно компактные организационные структуры (рыбколхозы, рыбопроизводные станции, каскадные прудовые хозяйства), позволявшие культивировать особо ценные, имеющие высокий уровень товарности, сорта рыбы (форель, стерлядь, красный карась). Рыба в восприятии и сознании местного населения была не просто частью «даров природы» (как грибы, полевые и лесные ягоды, лекарствен-

ные и кулинарные травы), а одним из многих полезных и экономически выгодных продуктов, производимых хозяйственными организациями в плановом порядке. И, как всякую иную продукцию местного сельскохозяйственного производства, различные сорта рыбы, а также раков, можно было купить за деньги в колхозных ларьках, выписать со склада хозяйства, получить за минимальную цену. В этих условиях рыбалка превращалась для местных жителей в любительско-спортивное занятие, вид досуга, традиционное увлечение.

Несмотря на постоянно-ревнивое, ставшее уже привычным, не злое, но раздраженное ворчание в адрес «понаехавших», в сознание местных жителей начинает постепенно входить и укрепляться представление о том, что новый этап экологической эволюции поселения будет зависеть уже не от государственных органов и комиссий или от местных землевладельцев, которые поделили бывший колхоз-миллионер и нажили значительные капиталы и, казалось бы, обязаны по соображениям общинного патриотизма обихаживать малую родину, в том числе по части ее экологической ухоженности, а, напротив, от совершенных чужаков, горожан, жителей столиц и крупных областных центров, которые внезапно разглядели в деревенских раздольях те участки желанной среды, которые притягивают их если и не ради постоянного проживания, то как драгоценные уголки полнокровной дикой, поистине райской природы. И это движение в «экологическую глубинку», причем такую, которая включает полноценную, хотя и несколько утратившую свои бывшие роскошные кондиции водную стихию, в ряде сельских регионов России началось и постепенно приобретает систематический и потому отыскивающий новые формы материализации характер.

Следующая по значимости проблема, отмечаемая респондентами, связана с земельными ресурсами, определяющими хозяйственно-экономический профиль территории. Анализ массива высказываний сельских респондентов, осуществленный в проекции социально-экологической проблематики, связанной с состоянием почвы и сопутствующих земледелию хозяйственно-экономических практик, приводит к выводу, что сердцевина подобной проблематики выглядит на первый взгляд довольно странно и в определенном смысле – анахронично. Общее впечатление заключается в весьма скептическом отношении сельских производителей (причем как у руководителей крупных сельскохозяйственных институций, так и у держателей семейных домохозяйств) к заметно и стремительно изменившимся за последние четверть века технологиям и приемам обработки почвы и ухода за ней, т.е. инновации по части обращения с землей оказываются и непонятными, и нерациональными: переход к нынешним, экологически не вполне приемлемым, как полагают респонденты, параметрам хозяйствования на земле представляется им неразумным, неуместным, вынужденным, даже принудительно навязываемым разного уровня и рода управлен-

ческими структурами процессом, лишенным, по мнению большинства опрошенных, благоприятных перспектив и даже в определенном смысле опасным.

Разница между крупным сельскохозяйственным производством и приусадебным хозяйством просматривается, в частности, в следующем: неформальное домашнее хозяйство относительно свободно от принудительного, чаще всего придирчивого контроля надзорных экологических институций (хотя проблема удаления и утилизации мусора, бытовых отходов становится наиболее острой как раз у частных домохозяйств), в то время как основные землевладельцы вынуждены правдами и неправдами пытаться урегулировать отношения с экологическими службами, причем чаще всего с помощью неформальных, теневых сделок и организационно-финансовых манипуляций. И здесь возникает проблема не только привязчиво-мелочного характера экологического контроля со стороны надзирающих районных, краевых и областных органов, зачастую досадно мешающего работе, но и не менее тревожная ситуация, связанная с не достаточной профессиональной компетентностью сотрудников подобного рода институций. Как утверждают опрошенные землевладельцы, производящие большие объемы зерна, в надзорных службах работают люди зачастую случайные, посаженные на должности, которые надежно и исправно финансируются из государственного бюджета, по знакомству, «по благу», имеющие разветвленные и действенные неформальные связи.

В восприятии сельхозпроизводителей экологическая проблематика непосредственно детерминирована политико-экономическими обстоятельствами – производить экологически чистую продукцию не только не выгодно, но и просто в действующих на сегодня условиях невозможно по причинам, связанным, во-первых, с нерентабельностью производства экологически чистой продукции и, во-вторых, с практиками постоянного и жесткого контроля объема налоговых выплат – «больше можно, меньше – нет». Выходит, что проблема экологической безопасности в отношении как сырой, так и переработанной сельскохозяйственной продукции обусловлена в конечном счете не столько чисто технологическими предпосылками (в частности, хронической нехваткой органических удобрений), сколько сложившейся системой социально-экономических отношений.

В ходе опроса мы пытались получить информацию о том, с помощью каких механизмов может осуществиться переход российского села в более благополучную, во всяком случае менее опасную для здоровья людей и природы экологическую ситуацию. Следует отметить, что наши усилия в целом не принесли результата – респонденты почти всегда переходили на частности, привычно углублялись в детали повседневных хозяйственных практик, завязанных на экологическую проблематику. Это, кроме всего прочего, означает,

что экологическая тревога, озабоченность состоянием среды осознается прежде всего в параметрах узкого, замкнутого на домохозяйство индивидуального существования.

Таким образом, интервьюирование в одной из станиц южнорусского аграрного региона показало, что наиболее острыми социально-экологическими проблемами сельчан стали: постоянно снижающееся качество воды – как питьевой, так и предназначенной для технических целей, угнетенное состояние почвы в связи с постоянным ростом принудительных мероприятий по дальнейшей химизации технологий зернового и кормового производства, а также проблема утилизации бытовых и производственных отходов. Основные пути позитивного решения этого комплекса проблем заключаются в использовании основанных на новейших достижениях науки и технологии схем. Это касается и инфраструктуры водоснабжения и водоотведения (просто обновлять имеющиеся сети дорого и бесперспективно), и сельскохозяйственных технологий (дальнейшая стандартная химизация в ходе производственных процессов носит тупиковый характер), и загрязнения сельских территорий отходами (централизация мест захоронения отходов, ликвидация местных свалок – лишь временная мера, устранять последствия которой придется следующему поколению жителей страны).

Если на Кубани нам важны были «голоса снизу» и мы опрашивали в основном сельских обывателей, рядовых жителей станиц, бывших колхозников, работников коммунальных служб, владельцев личных подсобных хозяйств, занятых огородом и домашней скотиной (овцы, козы, куры, гуси, индейки и т.п.), а также руководителей небольших хозяйственных структур, возникших на развалинах бывших колхозов-миллионеров, то в Белгородской области мы приняли решение о некоторой корректировке выборки, чтобы посмотреть на экологическую проблематику «сверху», поэтому на роль основных респондентов были отобраны эксперты районного уровня, знакомые с местной экологической обстановкой не только в ее конкретных отраслевых деталях, но и в некоей ее панорамности. Нас интересовал уровень и формы осознания экологической проблематики на Белгородчине, взятой не просто в качестве очередной территориально-хозяйственной структуры России, но и представляющей собой интереснейший и богатый аграрный регион, который располагает в своих географических границах наиболее мощными в России производственными возможностями не только по разнообразным культурам растениеводства, но и по части животноводческой и птицеводческой продукции.

В отличие от стандартно мыслящих организаторов сельхозпроизводства на местах, ответственных прежде всего за своевременную реализацию установок областного департамента сельского хозяйства и губернатора, просвещенный фермер видит причины ненормальной экологической атмосферы в районе и констатирует, что благородные в

своей основе стремления агрохолдингов создать продовольственное изобилие в стране оборачивается тем, что неуклонно губится драгоценная черноземная почва, которой так богат обследуемый регион. Важно то, что подобных новых фермеров, часто выходцев из городов, со временем становится больше в этом (впрочем, как и в других) регионе глубинной сельской России. Появление в исследовательском пространстве, которое мы выстраиваем, опираясь на материалы экспедиционных работ, подобного рода мнений и оценок, весьма симптоматично. В местном общественном сознании все более рельефно обозначается резкая и обоснованная критика нынешних хозяйственных практик, свойственных тому, что можно назвать «агрохолдинговыми форматами» природопользования. Технологические «хвосты» холдинговых производственных процессов (удаление и складирование навоза, послеурожайный уход за почвой, обработка земли и т.п.) не относятся к списку первоочередных, т.е. приносящих прибыль, забот держателей холдингов. Отсюда и проистекает критическое отношение местных сельскохозяйственных специалистов к организации холдинговых хозяйственных практик.

В отличие от ситуации в Краснодарском крае, на Белгородчине сельские территории буквально атакованы проблемой качества воздушной среды, в частности, проблемой дурного запаха, порожденной высокой концентрацией громадных свиноводческих и птицеводческих комплексов, а также мощных ферм по привязному выращиванию крупного рогатого скота. Эффективное решение этой проблемы проблематично, поскольку требует коренной переналадки технологических процессов, уже прочно укорененных в производственных практиках холдингов. Что касается проблем угнетенного состояния почвы в связи с постоянным ростом принудительных мероприятий по дальнейшей химизации технологий зернового и кормового производства, то в данном случае картины совпадают. Разница состоит в том, что в Белгородской области руководство в лице губернатора постоянно инициирует программы по биологизации земледелия, что на Кубани в качестве ежедневной и жестко контролируемой политики почти не наблюдается. По всей видимости, это связано позицией местных властей, не заинтересованных в изменении сложившихся на Кубани традиций, связанных с демонстрацией аграрного лидерства «всесоюзной житницы», где урожаи зерновых традиционно рекордны – независимо от условий, в которых эти рекорды ставятся.

Практически не просматривается на Белгородчине (во всяком случае, ни в одном из интервью данная информация не фигурировала, хотя соответствующие вопросы задавались) проблема вывоза и утилизации твердых бытовых отходов. Респонденты упорно жаловались на загрязнение воздуха, но не более. Вероятно, хорошая и постоянно поддерживаемая в стартовом состоянии дорожная сеть, а также тщательный уход за лесными

ресурсами, особенно придорожными лесополосами, и жесткий запрет на выбрасывание мусора позволяют своевременно вывозить твердые бытовые отходы и не допускать их не-санкционированного размещения, как это систематически наблюдается в Краснодарском крае. Также нормализует ситуацию введенный в эксплуатацию 10 октября 2019 года на территории моногорода Губкин в Белгородской области единый комплекс по обращению с отходами. Он представляет собой современный полигон для захоронения отходов, автоматизированный мусоросортировочный комплекс и цех по переработке полимерных отходов.

В целом на Белгородчине эпицентр экологической проблематики, связанный с деревенским водопотреблением, смещен в зону бытовых и санитарно-гигиенических потребностей населения, тогда как на Кубани респонденты постоянно упоминали о негативном воздействии плохого качества воды на ведение личных подсобных хозяйств, на содержание домашней живности. Этот информационный крен не случаен: вероятно, он косвенно свидетельствует о том, что уровень интенсивности неформальных экономических практик, связанных с семейным производством продовольствия (растений и животных), в Белгородской области снижен по сравнению с Краснодарским краем. Это объясняется, в частности, изобильным обеспечением мясомолочными продуктами и мясом птицы работников холдингов, получающих по так называемым «заборным книжкам» сравнительно дешевые местные продукты. Кроме того, наш основной респондент, являющийся организатором сельскохозяйственных институций на уровне района, мало осведомлен о деталях неформальных хозяйственных практик.

Таким образом, сбор социологической информации (наблюдения и интервьюирование), осуществленный в ряде поселений одного из ключевых сельскохозяйственных районов Белгородской области показал, что наиболее острыми социально-экологическими проблемами сельчан являются: (1) состояние атмосферы, характеризующееся присутствием в ней резких запахов, связанных с деятельностью крупных животноводческих и птицеводческих комплексов, а также постоянным применением химических препаратов для удобрения и обработки почвы, (2) такое же, как и в Краснодарском крае, угнетенное состояние почвы в связи с постоянным ростом принудительных мероприятий по дальнейшей химизации технологий зернового и кормового производства, и (3) проблема стремительного понижения качества питьевой воды, что связано с действием холдингов, систематически загрязняющих (вплоть до отравления) водоносные горизонты территории. Вместе с тем налицо позитивные изменения по части восстановления лесных угодий и внедрения прогрессивных технологий обработки почвы с использованием технологии «No-Till». По сравнению с Кубанью проблема утилизации бытовых и производственных отходов на Белгородчине остро не стоит. Основные пути позитивного решения этого комплекса про-

блем заключаются в использовании основанных на новейших достижениях науки и технологии схем. Это касается и инфраструктуры водоснабжения и водоотведения (необходимо извлечение питьевой воды с более глубоких водоносных горизонтов, поскольку верховодка для бытовых нужд сельского населения непригодна), и типичных для данного региона агрохолдинговых сельскохозяйственных технологий (как и на Кубани, в Белгородской области стандартная химизация в ходе производственных процессов носит тупиковый и даже опасный характер).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общая картина сельской экологии, рассмотренной с точки зрения водопользования – как бытового и производственного, так и промыслового, а также рекреационно-оздоровительного, показывает, что современная экологическая проблематика сельских домохозяйств обостряется прежде всего за счет старения и выхода из эксплуатационных норм инфраструктуры водоснабжения и водопотребления. Позитивный выход из ситуации, вызванной плохим качеством воды, связывается с введением средств индивидуального водоснабжения (скважин и колодцев), но при этом неясны последствия интенсивной эксплуатации водоносных горизонтов. Соответствующих изыскательских работ на этот счет в разных местностях сельской России, как правило, не предпринимается. Позитивные впечатления от наблюдаемой на местах обстановки связаны с постепенно растущим объемом частных инвестиций в сельские территории, исходящие от горожан, по тем или иным соображениям (прежде всего экологическим) стремящихся забраться в настоящую сельскую глубинку, уйдя при этом из пригородных дачных массивов.

Что касается состояния почвы и ее экологических качеств, определяющих в конечном счете своеобразие повседневных хозяйственных практик производителей – как крупных фермерских хозяйств, так и семейных сельских институций, то областью противоречий и сферой перерыва традиций выступает почти окончательно завершившаяся и повлекшая за собой чуть ли не катастрофические последствия производственная полоса, в рамках которой (и в целях ухода за состоянием почвы) использовались значительные объемы органических удобрений, которые в изобилии поступали от животноводческих ферм. В последние примерно десять лет коровий навоз, получающий необходимые питательные кондиции в перегнойных хранилищах, исчез из технологических приемов земледелия. Причина элементарна: в нынешних хозяйственно-экономических условиях разведение и содержание крупного рогатого скота – весьма трудоемкая и невыгодная процедура. Отсюда решительное преобладание минеральной составляющей в арсенале средств ухода за почвой и поддержания ее в исправном экологическом состоянии.

Примерно та же ситуация наблюдается и в области хозяйственных практик, осуществляющихся акторами неформальной экономики семейных домохозяйств. Нельзя утверждать, что отсутствие органики в прежних объемах – событие фатальное и непоправимое, однако применение неорганических удобрений и средств ухода за почвой – занятие на порядок менее трудоемкое и с точки зрения временных затрат экономное, чем внесение органических удобрений, их доставка на поля, разбрасывание и запашка. В этом заключается некая инновационность работы с минеральными удобрениями – их вносить удобно, просто, технически беспрепятственно. Рынок современных химических средств насыщен в из-

бытке, и их производители буквально навязывают их земледельцам, им это выгодно. В результате плодородие почвы возгоняется искусственно, и получаемая с таких полей продукция заведомо ниже по своим экологическим параметрам той, что производится по традиционным технологиям. Таким образом, проблема «почвенного благополучия» упирается в вопрос о формах и темпах внедрения в сельскохозяйственное природопользование якобы прогрессивных технологических приемов и решений.

Происходящие сегодня на российских сельских территориях процессы в большинстве регионов имеют разнонаправленные тенденции. Так, на территориях, где активно функционируют мощные агрохолдинги (например, Белгородская, Липецкая области и Краснодарский край), местные власти уделяют большое внимание их благоустройству, а также стараются поддерживать на должном уровне транспортную и социальную инфраструктуру. Однако интенсивное производство агрохолдингов нивелирует усилия властей этих регионов по созданию комфортной среды жизнедеятельности сельских домохозяйств. Наше исследование показало бóльшую, по сравнению с регионами, в которых аграрное производство развивается по экстенсивному сценарию, озабоченность местных жителей экологическим состоянием окружающей среды. Респонденты, вынужденные жить по соседству с холдингами, жалуются на нарушения последними экологических норм производства («кругом огромные поля холдингов, от них сильно пахнет гербицидами», «холдинги льют такую химию, что после здесь ничего не растет, вся почва пропитана гербицидом, воняет страшно», «нас вонь с полей замучила», «невдалеке от холдингов находятся навозные лагуны, от них на всю округу воняет свиным навозом», «свинокомплексы воняют, птичники километровые воняют»), что, по их мнению, негативно влияет на состояние не только окружающей среды, но и здоровья местных жителей («в такой обстановке люди долго не протянут», «от холдингов сельчане будут вырождаться и умирать», «молодежь уедет, старики умрут», «холдинги села техникой сровняют и будут дальше гнать отравленную продукцию»). Поэтому, чтобы частично компенсировать это влияние, сельские домохозяйства при выращивании сельскохозяйственной продукции стараются уделять больше внимания не только использованию традиционных аграрных практик, но и разного рода эко-инновациям, которые нередко комбинируются с первыми и выступают в качестве экологических технологий. Большинство респондентов отмечали, что экологическое состояние окружающей среды подталкивает их к поиску в Интернете эко-инноваций, которые они могут использовать на своих участках для выращивания экологически чистой продукции («я свою семью мясом из “Пятерочки” кормить не буду, потому что я знаю, чем эту скотину кормили»). В социальных сетях создаются сообщества сторонников органических продуктов питания, в которых обсуждается широкая экологическая проблематика, в

том числе связанная с жизнедеятельностью сельских домохозяйств, и предлагаются различные инновационные подходы к решению тех или иных проблем.

По результатам проведенных исследований можно сформулировать ряд рекомендаций: во-первых, сегодня телекоммуникации и интернет-технологии, играя важную роль в сельской повседневности, решают проблему пространственной и социальной изоляции сельских территорий. Сельские домохозяйства, образовывая сетевые сообщества, привлекают в них не только сельчан, но все больше городских домохозяйств. Такая сетевая кооперация города и деревни должна всячески поощряться и получать безвозмездную помощь, в том числе юридическую и консультационную, со стороны муниципальных, региональных и федеральных властей. При этом должен действовать реальный мораторий на всевозможные бюрократические проверки, проволочки и препоны, которыми, по нашим наблюдениям, сегодня нередко злоупотребляют как муниципальные, так и региональные власти. Во-вторых, для сельских и сельско-городских домохозяйств и их сообществ, которые уже реализуют свои культурно-образовательные и экологические инициативы, или тех домохозяйств, которые предполагают использовать подобный потенциал в ближайшем будущем, рекомендуется при активном участии представителей органов муниципальной и региональной власти: разработать субсидиарные и грантовые программы, поощряющие внутрипоселенческую и межпоселенческую кооперацию домохозяйств на основе такого рода инициатив с последующей (возможной) их регистрацией в качестве юридических лиц; расширить и упростить таким «кооперативам» доступ к финансированию их деятельности со стороны бизнеса и банков (например, выдача льготных кредитов); разработать систему льготного налогообложения для членов «кооперативов»; предоставлять им доступ к виртуальным и реальным платформам для рекламы и демонстрации своих инициатив и возможностей.

Реализация этих рекомендаций позволит не только разнообразить стратегии хозяйственной и повседневной деятельности сельско-городских домохозяйств на основе сочетания традиционных и инновационных практик, но и привлечь в сельскую местность инвестиции, организовать дополнительные рабочие места, снизить маятниковую и безвозвратную миграцию, сделать сельские территории привлекательными для горожан. Учет этих рекомендаций в Государственной программе «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020-2025 годы, утвержденной в мае 2019 года [10], поможет сбалансировать социальную и экономическую политику сельского развития России на региональном уровне, что в дальнейшем приведет к устойчивому и динамичному развитию этих территорий во всех сферах жизнедеятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аверкиева К.В. [Изменения в аграрной занятости в российском Черноземье и Нечерноземье с начала 2000-х // Региональные исследования](#). 2017. № 4. С. 15-24.
2. Божков О.Б., Игнатова С.Н. [Формы самоорганизации в сельской местности в условиях институциональной неопределенности // Пути России. Север-Юг](#) / Под общ. ред. М.Г. Пугачевой, В.П. Жаркова. М., 2017. С. 104-116.
3. Аверкиева К.В., Даньшин А.И., Землянский Д.Ю., Ламанов С.В. [Стратегические вызовы развития сельского хозяйства России // Региональные исследования](#). 2016. № 4. С. 56-66.
4. Аверкиева К.В. [Вынужденные инновации в сельском Нечерноземье // Пути России. Новые языки социального описания](#). М., 2014. С. 192-198.
5. [Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России](#) / Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Кириллов П.Л., Махрова А.Г., Медведев А.А., Неретин А.С., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. М., 2016.
6. Барсукова С.Ю. [Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого](#). М., 2015.
7. Шумахер Э.Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / Пер. с англ. и примеч. Д.О. Аронсона. М., 2012.
8. Scott J.C. Two Cheers for Anarchism: Six Easy Piece on Autonomy Dignity, and Meaningful Work and Play. Princeton University Press, 2012.
9. Ferraro P., Hanauer M.M., Sims K. Conditions associated with protected area success in conservation and poverty reduction // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2011. Vol. 108. No. 34. Pp. 13913-13918.
10. Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020-2025 годы. Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696.